

Софья Лёгких

Наследие мёртвых

Софья Лёгких

Наследие мёртвых

<https://litres.ru/74041521>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга про девочку Стеллу, которая с детства видит мёртвых людей и решает им помогать, но не все так просто. Девочка подвергается буллингу и еще решает помочь маме парня по имени Тим. Они идут вместе помогать мёртвым успокоиться. В конце книги она исчезает из мира, но просыпается и оказывается, что у неё шизофрения и все это было неправдой.

Содержание

Глава 1. Тот, кто стоит у окна	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Софья Лёгких

Наследие мёртвых

Глава 1. Тот, кто стоит у окна

Каждое утро Стелла открывала глаза и первым делом проверяла угол комнаты. Сегодня там стоял мальчик. Лет десять на вид, в старой школьной форме — тёмно-синий пиджак с оттопыренными карманами, белая рубашка уже пожелтевшая по воротнику. Он не смотрел на неё. Он смотрел в окно, будто ждал, что кто-то придёт. За стеклом — серое мартовское море, волны лениво перекатывались, как будто им тоже было всё равно. Стелла не вскрикнула. Не вздрогнула. Просто лежала ещё минуту, глядя на его затылок, на то, как свет от уличного фонаря проходит сквозь него и ложится бледной полосой на пол. Потом медленно села, спустила ноги с кровати. Пол холодный, линолеум потрескался у плинтуса. Она нащупала тапки — старые, с выцветшим котиком на носке — и встала. Мальчик не обернулся.

— Ты уже третий день здесь, — тихо сказала она, хотя знала, что он не ответит. Они редко отвечают сразу. Иногда вообще никогда. Она прошла мимо него к окну. Море было почти чёрным, только у горизонта серело. Сочи просыпалось медленно: где-то внизу загудела маршрутка, хлопнула

калитка соседей, запахло кофе и мокрым асфальтом после ночного дождя. Обычное утро. Обычный вторник. Одиннадцатый класс не ждёт. Стелла потянулась к подоконнику, где лежал телефон. 6:47. Ещё сорок минут до выхода. Она посмотрела на мальчика — он так и стоял, прижав ладони к стеклу, хотя пальцы проходили сквозь него, как сквозь дым.

— Если ты ждёшь маму, — сказала она, — то она уже не придёт. Прошло... сколько? Лет тридцать? Больше? Он не шелохнулся. Иногда они так и стояли годами. Иногда исчезали через неделю. Иногда — через день — начинали кричать. Стелла давно научилась различать. Она отвернулась, открыла шкаф. Джинсы, чёрная толстовка с надписью «Adler 2014» — старая, ещё от старшей сестры. Сверху надела школьную куртку — тёмно-зелёную, с эмблемой школа № 19 на рукаве. Волосы — длинные, почти до пояса, цвета горького шоколада — собрала в низкий хвост. Посмотрела в зеркало над раковиной в ванной. Глаза уставшие. Под ними тени, которые не спрячешь даже тональным кремом. Мама говорила: «Ты красивая, просто выспись». Стелла давно перестала спорить. Она вошла в кухню. Бабушка уже грела молоко на плите. Маленькая, сухонькая, в цветастом халате. На столе — тарелка с сырниками и банка варенья из фейхоа.

— Доброе утро, солнышко, — бабушка улыбнулась, но улыбка вышла вымученной. Она всегда так улыбалась по утрам, будто боялась, что если улыбнётся меньше — Стелла заметит, как дрожат руки.

— Доброе, — Стелла села, взяла вилку. Сырники были тёплыми, но она почти не чувствовала вкуса. Бабушка поставила перед ней кружку чая. Посмотрела в окно, туда же, куда смотрел мальчик в комнате.

— Опять кто-то пришёл? — спросила тихо. Стелла кивнула, не поднимая глаз.

— Мальчик. Стоит у окна. Ждёт.

Бабушка вздохнула. Долго, тяжело. Потом перекрестилась — быстро, почти незаметно.

— Не трогай его, Стеллочка. Пусть стоит. Они уходят, когда им время приходит.

— Я знаю.

Они давно вели этот разговор. С тех пор, как Стелле было семь, а она впервые спросила: «Бабуль, почему дядя в подъезде всегда мокрый?» Бабушка тогда побледнела, обняла её и прошептала: «Это наше. По женской линии. Проклятье. Но ты привыкнешь». Стелла привыкла. Она доела сырники молча. Встала, поцеловала бабушку в висок — та пахла валерьянкой и старыми духами «Красная Москва».

— Я пошла.

— Куртку застегни, ветер сильный.

— Застегну.

Дверь хлопнула. Лестница — пять пролётов вниз. Подъезд пах сыростью и кошачьей мочой. На первом этаже, как всегда, сидела тётя Люда — соседка, умершая три года назад от инфаркта. Сидела на табуретке возле подъезда, в халате

и тапочках. Смотрела на Стеллу пустыми глазами.

— Привет, — сказала Стелла. Тётя Люда не ответила. Она никогда не отвечала. Просто смотрела. Стелла вышла на улицу. Улица Депутатская, Хоста. Узкая, зажатая между многоэтажками и пальмами. Море шумело где-то за домами. Небо низкое, цвета мокрого бетона.

Она пошла к остановке. По пути мимо старого дома с облупившейся штукатуркой — там всегда стоял дед в военной форме 40-х годов. Сегодня его не было. Значит, ушёл. Куда уходит — Стелла не знала. Может, находят покой. Может, просто перестают быть видимыми. На остановке уже ждали несколько человек. Среди них — призрак девушки лет двадцати, в короткой юбке и яркой куртке. Она курила, хотя сигарета не дымилась. Стелла сделала вид, что не замечает. Иногда призраки злились, если на них смотрели слишком долго. Маршрутка подъехала — жёлтая «Газель» с надписью «Хоста — Центр». Стелла села у окна. Рядом плюхнулась девчонка из параллельного — Лера, ярко-розовые наушники, чёлка в глаза. — Привет, Стел. Ты чего такая бледная?

— Не выпалась.

— Опять кошмары?

— Типа того.

Лера фыркнула, уткнулась в телефон. Стелла посмотрела в окно. По стеклу стекали капли. За ними — пальмы, мокрые рекламные щиты, пробки на Курортном проспекте. И иногда — лица. Прозрачные. Усталые. Ждущие. Она закрыла гла-

за. Ещё один день. Ещё один год до окончания школы. Ещё сколько-то лет, пока проклятье не передастся дальше. Или пока не сломает её окончательно. Маршрутка дёрнулась, поехала. Мальчик у окна, наверное, всё ещё стоял. Ждал. Стелла не знала, кого именно. Но чувствовала — скоро узнает.

Глава 2. Новенький и та, что смотрит на него

Маршрутка высадила Стеллу у поворота на Ландышевую. Дождь кончился, но асфальт блестел, как чёрное зеркало, отражая пальмы и рекламные щиты с предложениями “отдыха у моря”. Школа №19 стояла в конце улицы — трёхэтажное здание цвета выцветшей охры, с облупившейся краской на балконах и флагом, который вечно висел мокрым. Стелла прошла через ворота, стараясь не смотреть по сторонам. Иногда здесь появлялись призраки учеников — те, кто не дожил до выпускного. Сегодня их не было. Только обычный шум: кто-то орал “отдай наушники!”, кто-то смеялся слишком громко, кто-то курил за углом спортзала. Она поднялась на третий этаж, в кабинет 11 “А”. Дверь была приоткрыта. Внутри уже собралось полкласса. У окна сидела Вика — длинные светлые волосы, идеальный макияж даже в девять утра, на шее тонкая цепочка с крестиком, который она постоянно крутила, когда нервничала или хотела показать, какая она “правильная”. Вика заметила Стеллу сразу. Улыбнулась — тонко, как нож. — О, наша принцесса тьмы явилась, — протянула она достаточно громко, чтобы слышали все.

— Ты опять всю ночь с привидениями болтала? Или просто не спала, потому что никто не пишет? Несколько человек хихикнули. Стелла прошла к своей парте в третьем ряду у стены, не отвечая. Она давно научилась: если не реагировать — Вика быстро теряет интерес. Но сегодня, видимо, настроение было плохое.

— Серьёзно, Стел, — Вика повернулась к ней всем корпусом.

— Ты выглядишь, как будто тебя экзорцист не до конца прогнал. Может, тебе к психологу? Или к бабке на рынок? Там такие за двести рублей всё снимают.

Класс затих. Кто-то кашлянул. Стелла медленно подняла глаза. Внутри что-то сжалось — не злость, а усталость. Глубокая, как море в шторм.

— Отстань, Вика, — сказала она тихо. — Тебе заняться нечем?

Вика фыркнула, но в глазах мелькнуло что-то острое. Зависть? Страх? Стелла не успела разобрать — дверь открылась, и вошла классная, Елена Викторовна, с пачкой журналов и усталой улыбкой.

— Доброе утро, одиннадцатый “А”. Садитесь. У нас сегодня новенький.

Все повернулись к двери. Вошёл он — высокий, почти под потолок, плечи широкие, но не качковые, а такие... спокойные. Тёмные волосы чуть длиннее, чем принято в школе, падают на лоб. Глаза карие, тёплые, как осенние каштаны. На

нём была простая чёрная куртка, джинсы и рюкзак через одно плечо. Он выглядел так, будто только что вышел из поезда и ещё не успел привыкнуть к новому воздуху.

— Тимур... э-э, Тим, — сказал он, улыбнувшись уголком рта. Голос низкий, мягкий.

— Можно просто Тим. Елена Викторовна кивнула.

— Тим переводится к нам из Краснодара. Расскажи о себе пару слов, Тим. Тим пожал плечами.

— Ну... люблю музыку, футбол иногда смотрю. Ничего особенного. Просто рад быть здесь.

Класс зашептался. Вика сразу выпрямилась, поправила волосы. Несколько девчонок переглянулись. Стелла смотрела на него и вдруг почувствовала холод — не обычный, а тот, что идёт от призраков, когда они очень близко. За спиной Тима, чуть правее, стояла женщина. Лет сорока на вид. Тёмные волосы собраны в низкий пучок, лицо бледное, но красивое — высокие скулы, те же карие глаза, что у сына. На ней был лёгкий плащ, как будто она вышла из дома в дождь и не успела снять. Она не смотрела на класс. Она смотрела только на Тима — с такой тоской, что у Стеллы перехватило дыхание. Женщина подняла руку, будто хотела коснуться его плеча. Пальцы прошли сквозь воздух. Стелла замерла. Это была не просто тень. Это была мама. И она хотела что-то сказать. Что-то важное. Тим сел за свободную парту — как раз через проход от Стеллы. Он улыбнулся ей — коротко, дружелюбно, без подтекста. Просто “привет, новенький рад

видеть любого человека”. Стелла кивнула в ответ, но внутри всё сжалось. Призрак мамы теперь стоял между их партами. Она наклонилась к Тиму, губы шевелились беззвучно. Стелла пыталась разобрать слова по движению — “прости... пожалуйста... скажи ему...”. Но не получалось.

Вика, конечно, заметила, что Стелла уставилась в пустое место.

— Ого, — прошептала она громко.

— Уже нового привидением пугаешь? Бедный Тим, беги, пока не поздно. Класс снова засмеялся — нервно, но засмеялся. Тим повернулся к Вике, потом к Стелле. Брови чуть нахмурились — не осуждающе, а с беспокойством.

— Эй, всё нормально? — спросил он тихо, только для Стеллы. Она сглотнула. Призрак мамы теперь смотрела прямо на неё. В глазах — мольба.

— Нормально, — выдавила Стелла.

— Просто... добро пожаловать. Урок начался. Алгебра. Стелла пыталась слушать, но взгляд всё время возвращался к Тиму и к женщине за его спиной. Призрак не уходил. Она ждала. И Стелла знала: это не кончится просто так. Проклятье никогда не даёт просто посмотреть. Оно всегда требует действий. А Вика, сидя через три парты, всё ещё улыбалась — тонко, победно. Как будто только что выиграла первый раунд.

Глава 3. Кетти и шепот за спиной

Перемена после алгебры была короткой — всего десять минут, но в коридоре уже пахло бутербродами из столовой и мокрыми куртками. Стелла стояла у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. За ним — мокрый двор школы №19. лужи отражали серое небо, пальмы гнулись под ветром, как будто им тоже было тяжело. Она пыталась не смотреть на Тима, который стоял у автомата с водой в компании Вики и её подружек. Вика что-то рассказывала, жестикулируя, Тим улыбался вежливо, но глаза его скользили по сторонам — будто искал выход. Призрак мамы Тима теперь был ближе. Она стояла прямо за сыном, почти касаясь его плеча. Губы шевелились быстрее: «Тим... Тимочка... скажи...». Стелла напряглась. Слова почти складывались, но ветер в голове мешал.

— Эй, зомби, ты опять в транс впала? Стелла вздрогнула. Рядом стояла Кетти — маленькая, с копной рыжеватых кудрей, которые она никогда не расчёсывала до конца. На носу веснушки, на шее — кулон в виде крошечного кактуса (подарок от мамы, которая верит в “энергию растений”). Кетти была в oversized-свитере с надписью “Plant Lady” и джинсах с дырками на коленях — школьная форма ей явно была чужой.

— Не зомби, — пробормотала Стелла. — Просто... устала. Кетти фыркнула и сунула ей в руку шоколадный батончик из кармана.

— Ешь. Ты бледнее, чем призраки, которых видишь. Кстати, кто сегодня? Тот дед с остановки или новый кто-то? Стелла кивнула в сторону Тима. — Его мама. Стоит за ним. Хочет что-то сказать.

Кетти повернулась, прищурилась, хотя знала, что ничего не увидит.

— Ого. Свежий случай? Обычно они просто стоят и молчат, как статуи.

— Эта не молчит. Шепчет. Но я не разбираю.

Кетти задумчиво почесала нос.

— Может, подойдёшь к нему? Типа “привет, новенький, твоя мама передаёт, что любит тебя и просит не забудь купить молоко”. Шучу. Но seriously, Стелл, если она так настойчиво лезет — значит, дело серьёзное.

Стелла покачала головой. — Не могу просто подойти и сказать “привет, я вижу твою умершую маму”. Меня и так Вика уже на смех поднимает.

Как по заказу, Вика обернулась. Увидела, что Стелла и Кетти смотрят в их сторону, и улыбнулась — той самой улыбкой, от которой хочется спрятаться.

— О, смотрите, ведьмовской ковен собрался, — громко сказала она, чтобы услышали все вокруг.

— Кетти, ты что, теперь официально ассистентка привидений? Может, вам ещё метлу купить? — Её подружки захихикали. Тим нахмурился, но ничего не сказал — просто переступил с ноги на ногу. Кетти не растерялась. Она выпрями-

лась, хотя ростом была ниже Вики почти на голову. — Вика, солнышко, если бы у тебя был хоть один настоящий друг, ты бы знала, что ковен — это круто. А у тебя только фан-клуб из тех, кто боится остаться без твоего одобрения. Скучно, наверное.

Вика покраснела — не от злости, а от неожиданности. Кетти редко отвечала так резко. Обычно она просто отшучивалась или игнорировала.

— Заткнись, Катька, — огрызнулась Вика. — Ты вообще никто здесь.

— Зато я не трачу жизнь на то, чтобы всех вокруг топтать, — Кетти пожала плечами. — Иди дальше флиртуй с новеньким. Только не забудь: он не твой трофей.

Вика открыла рот, но звонок на урок прервал её. Все начали расходиться. Тим задержался на секунду — посмотрел на Кетти, потом на Стеллу. В глазах мелькнуло что-то вроде благодарности. Или любопытства. В классе сели за парты. Литература. Елена Викторовна начала разбирать “Героя нашего времени”, но Стелла почти не слушала. Призрак мамы Тима теперь стояла у доски — нет, не у доски, а между партой Тима и партой Стеллы. Она наклонилась ближе к сыну, потом повернулась к Стелле. Глаза — огромные, полные слёз, которые не могли пролиться. И вдруг — голос. Тихий, как шелест листьев, но ясный.

— Скажи ему... про дневник. В старом доме. Под половицей. Он поймёт.

Стелла замерла. Сердце стукнуло так сильно, что, наверное, услышали все. Она посмотрела на Тима — он сидел, опустив голову над тетрадью, но карандаш в руке не двигался. Призрак мамы отступила назад, но не исчезла. Она ждала.

Кетти, сидевшая через проход, заметила, как Стелла побледнела. Наклонилась ближе и шепнула: — Что? Она заговорила? Стелла кивнула еле заметно.

— Про дневник. В старом доме. Под половицей.

Кетти округлила глаза.

— Ого. Это уже не просто “привет-привет”. Это квест. Тебе надо с ним поговорить, Стелл. Иначе она не уйдёт. А если не уйдёт... ну, ты знаешь, как бывает, когда они злятся. Стелла знала. Один раз, в шестом классе, призрак мальчика, которого она игнорировала, начал двигать вещи в её комнате. Потом — в школе. Потом — в голове у неё самой. Бабушка тогда заставила её “помочь” — и всё ушло. Но цена была высокой: Стелла неделю не спала. Она посмотрела на Тима. Он как раз поднял глаза — поймал её взгляд. Улыбнулся — коротко, тепло. Как будто говорил: “Я заметил, что ты странная. Но мне не страшно”. Вика, сидевшая впереди, обернулась и прошипела: — Что вы там шепчетесь? Опять про своих мертвецов? Кетти закатила глаза.

— Да, Вика. Про твоих фантомных друзей. Они передают привет. Класс прыснул. Даже Тим улыбнулся уголком рта. Стелла почувствовала, как внутри что-то оттаяло. Не силь-

но. Но достаточно, чтобы решиться. После урока она подойдёт к нему. Скажет что-то нейтральное. “Привет, можно поговорить?” Или “Ты откуда переехал?” А потом... потом посмотрим. Призрак мамы кивнула — будто услышала мысли. И исчезла. На миг. Но Стелла знала: она вернётся. Как только Тим окажется один. Кетти сжала ей руку под партой. — Я с тобой, если что. Мы команда. Стелла сжав руку в ответ. Впервые за долгое время ей не было так одиноко.

Глава 4. Дневник под половицей

Уроки закончились в три часа. Дождь опять зарядил — мелкий, упрямый, как будто Сочи решил, что весна ещё не наступила. Стелла вышла из школы последней из своего класса. Кетти ушла раньше — сказала, что мама зовёт домой помогать с ужином, но шепнула на прощание: «Если что — пиши мне сразу. Я на связи». Тим стоял у ворот, под навесом остановки. Куртка накинута на голову вместо зонта. Он смотрел на телефон, но не набирал номер — просто держал экран, будто ждал сообщения, которого не будет. Стелла подошла медленно, чтобы не спугнуть.

— Привет, — сказала она тихо. Тим поднял глаза. Удивился, но улыбнулся — той же тёплой, немного усталой улыбкой.

— Привет, Стелла. Ты... не уехала ещё?

— Решила подождать. Можно поговорить? Не здесь. Может, пройдемся по набережной? Там меньше народу. Тим кивнул. Не спросил зачем. Просто пошёл рядом. Они шли

молча сначала. По мокрому асфальту, мимо пальм, которые шуршали листьями, как старые письма. Море шумело слева — низко, глухо. Призрак мамы Тима появился почти сразу — шла чуть позади, как тень, но теперь её шаги были почти слышны. Шелест. Шёпот.

— Ты откуда переехал? — начала Стелла, чтобы не молчать.

— Из Краснодара. Папа перевёлся по работе. Мы... раньше жили здесь, в Сочи. В Хосте. Но после... — он замолчал, сглотнул. — После того, как мама умерла, мы уехали. А теперь вернулись. Папа говорит, “надо закрыть гештальт”. Я не знаю, что это значит. Стелла остановилась. Посмотрела на него прямо.

— Тим... я вижу её. Твою маму.

Он замер. Секунду смотрел, будто ждал шутки. Потом тихо спросил: — Что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.